

ОППОЗИЦИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ-ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Л.ШЕСТОВА

У статті розглядається значення опозиції «раціональне-іраціональне» у літературній критиці Л.Шестова. Аналізуються статті «Кіркегард та екзистенційна філософія (Глас вопіючого у пустелі)», «О.С.Пушкін», «Передостанні слова», оскільки ряд положень, викладених у них, дозволяє виявити особливості літературно-критичного дискурсу Л.Шестова, зрозуміти значущість ряду філософських ідей у підході Л. Шестова до проблем літератури. Виділяються основні теми, у зв'язку з якими критик звертається до спадщини С. Кіркегора та російських письменників: онтологічна самотність, екзистенційність світосприйняття художника, межова ситуація між життям та смертю.

Ключові слова: критика, російська література, «шестовізація», митець, опозиції.

В статье рассматривается значение оппозиции «рациональное-иррациональное» в литературной критике Л. Шестова. Анализируются статьи «Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)», «А.С.Пушкин», «Предпоследние слова», так как ряд положений, изложенных в них, позволяет выявить особенности литературно-критического дискурса Л.Шестова, понять значимость ряда философских идей в подходе Л. Шестова к проблемам литературы. Выделяются основные темы, в связи с которыми критик обращается к наследию С. Кьеркегора и русских писателей: онтологическое одиночество, экзистенциальное мироощущение художника, пограничная ситуация между жизнью и смертью.

Ключевые слова: критика, русская литература, «шестовизация», художник, оппозиции.

This article examines L. Shestov's opposition "rational-irrational". The accent is made on his article "Kierkegard and existential philosophy", "A.S.Pushkin", "Last but one word", because many ideas, which are in this work analyzed, reveal features of literature-critical discourse of L.Shestov, to understand the significance of some philosophical ideas in approach of L. Shestov to problems of literature. The main themes are highlighted in connection with which the critic refers to the legacy of S. Kierkegard and Russian writers: the ontological loneliness, existential attitude of writer, boundary situation between life and death.

Key words: criticism, Russian literature, "shestovizatsiya", creator, opposition.

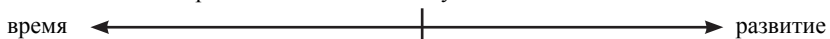
В современном литературоведении усилился интерес к проблемам литературной критики. В этом плане наиболее значимы исследования Р. Громьяка, С. Яковенко, М. Наненко, Н. Кочетковой, Н. Раковской. Интерес вызывают процессы, происходящие в литературной критике конца XIX – начала XX вв. В этом плане наибольшее количество исследований посвящено символистам. За последние несколько лет появились серьёзные работы в области розановедения. Что касается Л. Шестова, чаще всего к его наследию

обращаются философы, социологи, культурологи. Распространённой является точка зрения, согласно которой интерес Л. Шестова к литературе обусловлен его общефилософской концепцией. О Л.Шестове – литературном критике написано немного. В основном появляются работы в зарубежных изданиях.*

Целью нашей работы является осмысление модели сущностного начала в человеке, созданной критиком, и её отражение в литературе. Решение данной проблемы позволит нам выйти на уровень осмысления литературоведческой антропологии в целом.

В. Изер в работе «Чем является антропология литературы» отмечает особую значимость культуры, которая, прежде всего, определяет онтологическую сущность человека. Литературоведы в свою очередь связывают модель человека и мира с определённым типом литературы, развивающейся от эпохи Средневековья до Нового времени. Американский славист Клиффорд Гирц указывает, что без культуры не было бы людей, потому что любой человек – артефакт культуры. Л.Шестова является центральной фигурой экзистенциального мировосприятия конца XIX – начала XX века. Обладающий парадоксальностью сознания, противопоставивший «разумное» - «интуитивному», Л. Шестов стремился к пониманию мира как универсума, поэтому осмысление человека в системе культура – литература шло, прежде всего, через авторское сознание, интуицию, трансцендентное. С точки зрения Л. Шестова, для человека порогового, кризисного сознания необходим центр, некая точка опоры, в которой человек смог бы отыскать себя самого, свой внутренний генетический опыт и приобретенный опыт посредством знания и веры. Справедлива мысль ряда польских учёных, в частности Валицкого о том, что Л. Шестов воспринимал человека сквозь призму религиозно-философского сознания, ибо «предметом-субъектом философской литературной антропологии есть универсальный человек, человек вообще». Более того, заметим: Л. Шестов полагал, что истина человеческой индивидуальности находится не в вечных законах и правилах, а в случайном, единичном. На такую точку зрения его натолкнул С. Киркегард, создавший свою экзистенциальную философию. В связи с мировосприятием Л.Шестова человеку свойственен парадокс ума, которому можно противопоставить только веру. Вера ведёт к свободе, но эта свобода не является свободой выбора. Человек, который вкусил от древа знания может осознать греховность и вред этого блюда, но он не обладает свободой выбирать плоды древа жизни. Человеку не дано решить, откажется ли он от знания в пользу веры в будущем. Л. Шестов так же, как и Ф. Ницше подвергал всё сомнению, в том числе знание. С точки зрения критика, доступ к вере даётся откровением. Парадоксы знания и веры у Л. Шестова связаны с парадоксом этики в целом, о которой в статье о С. Киркегарде он скажет: «... парадокс в этике рождается вместе с разумом» [6: 37]. В итоге, ментальные парадоксы, переплетаясь между собой, образуют в творчестве Л.Шестова целую сеть противоречий, проявляющуюся во многих его работах.

Л. Шестов словно отрывается от цивилизации (внешней и *необходимой* её части), методы познания которой вводят человека в замкнутый круг, из которого невозможно выйти, не отказавшись от всего, что ранее было навязано *человечеству*. Условно данная позиция может быть представлена в виде следующей схемы:

А

Точка А – это любая человеческая личность, то есть это точка на бесконечной прямой времени. При этом человек словно «придавлен» вертикалью развития цивилизации. Он ощущает себя точкой лишь «своего» времени, он не способен осознать себя частью бесконечности (важными составляющими которой являются прошлое и будущее).

В модели мира, созданной Л. Шестовым, «мир не удовлетворяет человека, и он начинает искать лучшего. Всякие же серьёзные искания приводят человека на одинокие пути, а одинокие пути... кончаются китайской стеной, роковым образом полагающей предел человеческой пытливости» [6: 168]. «Перед стеной», то есть перед тем, что человеку понять и познать не дано, каждый реализует себя по-разному: обращается «либо в бесконечно малую, либо в бесконечно большую величину» [6:169]. Первое критик определяет как самоотречение, второе – как *mania grandiose**. У Л. Шестова человек способен на самореализацию только в бунте, в поиске, в попытке преодолеть «стену».

В этой связи Л.Шестов писал: «...русская философская мысль, такая глубокая и такая своеобразная, получила своё выражение именно в художественной литературе. Никто в России так свободно и властно не думал, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой... и даже Чехов...» [7:45]. Фигура А. С. Пушкина стала одной из доминант сознания в русской философской критике**. Несмотря на то, что творческому наследию писателя критик не посвящал целостные работы, всё же А.Пушкин занимал серьёзное место в его литературно-эстетических поисках. А.Пушкин, с точки зрения критика, не философствовал, а жил и творил, не отрекаясь от самого себя, не жертвуя своей индивидуальностью. Это и стало тем главным, что интересовало Л.Шестова: «... В Пушкине... царственное, так редко встречающееся у людей доверие к жизни и любовь к мирозданию» [10: 39].

Как видим, к А. Пушкину Л. Шестов относился как некой точке отсчёта, некоему началу глубокой традиции русской литературы, которая воплотится и раскроется в творчестве Ф. Достоевского и Л.Толстого.

Выделим несколько тем, в связи с которыми Л. Шестов обращается к творческому наследию А. Пушкина: 1. Судьба писателя-человека. 2. Писатель как неповторимая индивидуальность. 3. Писатель как выразитель «болезни» времени. 4. Писатель как результат прикосновения «Божественного глагола». Данные темы отражают полиморфичность авторского сознания Л.Шестова, а, следовательно, многоплановость контекста в его творчестве (речь идёт о микро- и макроконтекстах).

Л. Шестов отмечает процесс «перетекания» жизни в творчество, причём данный процесс носит двусторонний характер: «...в каждом произведении Пушкина... следы его мировоззрения...» [10: 57]. В душе писателя происходит диалог двух авторов – биографического и небоиографического, в результате которого и *создаётся* текст.

К наследию русских писателей Л. Шестов обращается в связи с рядом интересующих его тем:

- неустойчивость бытия;
- «падение» человека под властью теорий, идей, норм, правил;
- свобода индивидуального существования и др.

Именно эти темы ввели в контекст литературно-эстетических поисков Л.Шестова таких писателей, как А. Пушкин, Л. Толстой, М. Лермонтов, Ф.Достоевский, Г. Ибсен, А. Чехов, И. Тургенев, Ф. Сологуб и др.

Особый метод «странствования по душам» становится главным при анализе творчества того или иного писателя. Процесс «шестовизации» лишает целесообразности историко-хронологический принцип: эпохи и времена, представители различных направлений в литературе и философии, герои истории, библейские герои и герои произведений сталкиваются, взаимодействуют, образуя, таким образом, многогранный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – 359 с.
2. Бердяев Н. А. Основная идея философии Льва Шестова / Н. Бердяев // <http://www.vehi.net/berdyayev/shestov.html>.
3. Ильин В. Н. По поводу «Апофеоза беспочвенности» Л. И. Шестова / В. Н. Ильин Эссе о русской культуре.– СПб.: Акрополь, 1997. – 128 с.
4. Кувакин В. А. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии / В. А. Кувакин.– М.: Российское гуманистическое общество, 2005. – 425 с.
5. Лотман Ю. Анализ поэтического текста / Ю. Лотман. – СПб.: Акрополь, 1996. – 399 с.
6. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов– СПб.: Азбука, 2005. – 305 с.
7. Шурков А. Словарь терминов и понятий рецептивной эстетики / А. Шурков. – <http://dic.academic.ru>
8. Яковенко С. Романтики, естети, ніцшеанці. Українська та польська літературна критика раннього модернізму / С. Яковенко. –К.: Просвіта, 2006. – 296 с.